

## ПРЕДАННОСТЬ

Пьеса в двух действиях, восьми картинах

Людмила Плиско

МОСКВА, 2015

Посвящаю моей дочери, ее мужу и

Их дружному большому семейству

### ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Раевский Николай Николаевич – генерал от кавалерии, внучатый племянник Г.А. Потемкина

Пушкин Александр Сергеевич – поэт, 20 лет

Раевский-младший Николай Николаевич - младший сын генерала Раевского, участник войны 1812 года, друг Пушкина. Пушкин познакомился с Николаем в Царском Селе, где стоял лейб-гвардии гусарский полк, в котором тот служил подпоручиком.

Раевская Екатерина Николаевна – старшая дочь генерала Раевского, 23 года

Раевская Елена Николаевна – вторая дочь генерала Раевского, 17 лет (болезненная девушка)

Раевская Мария Николаевна – третья дочь генерала Раевского, 14 лет

Раевская Софья Алексеевна – заботливая мать и преданная жена генерала Раевского, урожденная Константинова, внучка М.В. Ломоносова

Раевская Софья Николаевна – младшая дочь генерала Раевского, 12 лет

Мисс Мяттен – англичанка, учительница английского и гувернантка в семье Раевских

Крым-Гирей Анна Ивановна (Зара) – крестница генерала Раевского, родилась предположительно на Кавказе, где генерал командовал Нижегородским драгунским полком

Козлов Никита Тимофеевич – крепостной Пушкиных, «дядька» поэта, приставлен к Пушкину в детские годы в Москве и состоял при нем

Монах – огромный, заросший, с единственным глазом, как у великана Полифема

Няня дочерей Раевского

### ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В БАЛЛАДЕ

Ифигения - дочь царя Агамемнона и его жены Клитемнестры, принесенная в жертву богине Артемиде, но ею же спасенная, была перенесена в Тавриду и там десять лет была жрицей в храме Артемиды Таврической

Агамемнон – царь и предводитель греков в Троянской войне, был убит женой, стремящейся захватить власть.

Клитемнестра - жена Агамемнона, мать Ифигении, Электры и Ореста

Орест – брат Ифигении, посланный Аполлоном во искупление вины за убийство своей матери в Тавриду, для вызволения кумира Артемиды, оскверняющейся человеческими жертвоприношениями.

Пилад – друг Ореста, принявший на себя приговор жрицы Ифигении, назначившей казнь одному из них

Царь тавров Фоанта. Тавры - жестокое племя в Тавриде, убивающее всех чужеземцев

Жрицы у статуи богини Артемиды

### ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В БОЛЬШОМ ХАНСКОМ ДВОРЦЕ В БАХЧИСАРАЕ

Крым Герай-хан, правитель Крымского ханства

Омер, иранский зодчий

Мохаммед, татарский бей

Татарская девушка в Большом Ханском Дворце

### ДЕЙСТВИЕ 1

КРЫМ. ГУРЗУФ. Август 1820 года. Дом герцога Ришелье Арман-Эммануэля дю Плесси, генерал-губернатора Новороссии, назначенного Александром 1 в 1803 году градоначальником Одессы, а в 1805 – генерал-губернатором Новороссийского края, куда с марта 1805 года вошел Крым.

Белый дом с галереей, обнимающей все строение. С галереи дома открывается панорама деревушки, вид щедро залитого солнечным золотом моря, колышущаяся в знойном мареве

полуфантастическая гора Медведь. Главный фасад выходит в сторону гор, там же расположен и сад. С моря дом выглядит очень красиво, блистает стеклами и белизной своих стен и четырехугольных колонн вдоль галереи, радует глаз узором крылец и переходов, и бельведером над крышей.

Весь дом состоял из одного этажа да еще одной большой комнаты-кабинета вверху, под чердаком. Там разместились Раевский младший и Пушкин. Николай Николаевич старший – в маленькой угловой комнате. По другую сторону дома была такая же угловая комната, там поместилась теперь Раевская-мать. У девочек было просторней – целых две комнаты, да и были они побольше. С ними спала также и мисс Мяттен. А няня и компаньонка Анна Ивановна расположились попросту в вестибюле, на соломе.

Какие еще удобства надобны, когда дом весь открыт и день протекает на воздухе, в галерее!

С галереи видны находящиеся вблизи дома фонтан, молодой кипарис, скамья.

#### КАРТИНА 1

Утро. Галерея в доме Раевских. В углу сцены за маленьким столиком сидит Елена. На ней светлое летнее платье и голубая лента в черной косе. Она склонила голову над книгой. Сверху по лестнице спускаются Николай, за ним Пушкин. Захватив полотенца, они собрались искупаться в море. Пушкин замечает выкатившиеся под ноги смятые бумажные листки и поднимает их.

Раевский

Это все Елена. Дай-ка я посмотрю на почерк. Написано по-французски

Пушкин

Зачем? (с живостью возразил и покраснев запрятал листки в ладонь). Я их выброшу в море. Может быть это письма.

Раевский

Когда бы письма, не стала б кидать. Дай же сюда! Так и есть: это из Байрона, а то из Вальтера Скотта...

Пушкин

Так она переводит? Листок исчеркан: видимо она искала более точных слов и выражений.

Раевский

Ты ей не вздумай сказать! Это она потихоньку. Переводит не на русский, а на французский, прозой, конечно.

Пушкин

(бережно прячет листки) Переводит из Байрона! И как раз ту самую вещь, что мы читаем – «Корсара»! Вчера только я одолел с твоей помощью страницу-другую. (взволнованно). А она – голубоглазая, семнадцатилетняя Елена увлеклась «Корсаром»! А я услышал о нем впервые от Жуковского и Александра Ивановича Тургенева. Князь Вяземский писал Тургеневу восторженные письма об английском поэте и я читал в них: «я все это время купаюсь в пучине поэзии: читаю и перечитываю лорда Байрона... Что за скала, из которой бьет море поэзии». Если я когда-нибудь примусь за английский язык, единственно для Байрона.

Раевский

А в письмах что, тоже о «Корсаре»?

Пушкин

Нет, не только. Вяземский посылал отдельные строфы из четвертой песни «Чайльд Гарольда», переведенные им в прозе, и писал следом за переводом: «Что ваши торжественные оды, ваши холодные поэмы? Что весь этот язык условный, симметрии слов? Капля, которую поглощает океан

лазурный...» Видишь, сам Петр Андреевич заговорил языком байроническим. А как это поднимает!

Раевский

Это Екатерина привезла с собой Байрона, который у нас. А Елена давно уже переводит, да все ей не нравятся ее переводы.

Пушкин

Ах, Николай, а ты посмотри, какой чудесный перевод. И почему она его разорвала?

(уходят)

(Из окна угловой комнаты, открытого на галерею, слышатся слова Николая Николаевича-старшего)

Раевский-старший

Слава богу, Софи, кажется с Марией теперь у них поровней, а то девочке долго ли и увлечься нашим поэтом.

Софья Алексеевна

(не отгадав, что Николай Николаевич только шутил)

Бог даст, ничего, обойдется.

Раевский-старший

А кажется, наш-то поэт между трех сосен... да и запутался (слышна его усмешка). Но чувствует он себя уже много лучше, и может быть даже счастлив общением...

(по лестнице на галерею поднимается младшая Раевская, Софья, и говорит идущей с ней мисс Мяттен:

Софья

Маша вчера так громко смеялась и бегала, мне показалось это уже моветон.

Мисс Мяттен

Yes, my angel, but the youth. (Да, мой ангел, но это молодость)

Софья

А Катенька, переступая через ручей, так высоко подняла юбку, что виден был чулок.

Мисс Мяттен

Yes, my angel, but the rain. (Да, мой ангел, но это дождь)

(На дворе хорошенький татарчонок, с надвинутой на затылок пестрою тюбетейкой, трудится у пузатого самовара. Он целыми пригоршнями сыплет в трубу сосновые шишки, и густой смоляной дым затмевает долины и горы. Следом за Раевским-отцом на галерею выходит Екатерина. Она уже причесана и роза блестит в ее волосах утреннею росой).

Екатерина

Как самовар на стол, так Пушкина надо искать, Пушкин в бегах. Вчера, говорит, скакал на гнедой своей лошади к Аю-Дагу и встретил там двух дровосеков. Спрашивал их, что там наверху? Говорят, там древние развалины. А на его вопрос: как называется эта земля, ему ответили: - Артек, а по-вашему, перепелка. Он говорит, что ему понравилось простодушное это прозвище. Пушкин намеревается снова туда отправиться. На Аю-Даге, говорят, есть руины древнего святилища. Муравьев-Апостол утверждает, что Аю-Даг есть то самое место, где был знаменитый храм Артемиды Таврической, богини-девственницы, которой поклонялись тавры, и в храме которой жрицей была гречанка Ифигения.

(Все усаживаются за стол, стоящий в самой середине галереи. Увидев подходящих к дому Пушкина и Николая девочки кричат сверху:

Опоздали! Опоздали!

(Пушкин узнает голос Марии и улыбается. На верхних ступенях лестницы Пушкин увидел Елену. Она была высока и стройна. Как деревце кипарис, подумал он. Темно-голубые глаза ее глядели прямо и лукаво)

Елена

Вы опоздали. (повела рукой в сторону Пушкина). Как я беспокоилась.

(Пушкин смешался и покраснел, а за столом, где было свободное место для него, рядом увидел девочку в восточной одежде и, удивленный, узнал... Марию)

Пушкин

Мария, что это Вы?

(она глядела на него и молчала)

Пушкин

Это, наверное, Зара так Вас обрядила?

Мария

Я девушка гор (наконец ответила она, и нельзя было понять, серьезно это сказано, или она просто смеется над ним)

Пушкин

Вот как!

Екатерина

И действительно, вчера на прогулке в горы, ты скакала, как горная козочка, Александр и угнаться за тобой не мог. Да вы послушайте, у меня даже в рифму получилось:

А Пушкин вновь шалит,

Бежать с Марией

Взапуски затеял.

Прохладный дождь

Их пламень остудил.

Дорогу всю камнями

Усеял,

Заставил буйствовать

Салгир

Николай

Да, Салгир. Это Саша так нашу речку Авунду называет

Мария

А вы помните, как мы бежали от дождя и все равно все вымокли.

(и, потупилась. Потому что, когда бегала вдоль кромки моря, играя с волной, волны захлестывали и вымочили ей ноги, а она, конечно, никому об этом не сказала)

Екатерина

А у меня и о дожде дальше есть, читает:

И все вернулись в дом

Палаццо Дюка,

Где Николая играет  
Тихо Глюка.  
Балладу грустную,  
Мечту в прекрасных звуках.  
Между колонн  
Встречает всех Елена.  
И раньше прочих  
Мисс в промокших буклях.  
Сменить одежду  
Всем захлопотали...

Николай, подхватывая

А генерал дает команду  
Выпить грогу  
В зале!  
(все дружно и радостно зааплодировали, а Маша громко...)

Маша

Николай, а ты ведь дома оставался, твоя нога лишила тебя дальних прогулок в горы. А Катенька с нами была и все с Александром о Байроне толковали и спорили, а мне их умные речи надоели, и я так вежливо говорю: - А не пора ли вам, лорды, кончать этот ваш университет? И вот тогда Александр и побежал за мной. Но он не добежал до меня, и промахнувшись, ушибся головой о дерево, а я рассмеялась и рассердилась, и сказала. - И не жалко.

Пушкин

Я не ушибся, но за что же Вы сердились?

Маша

За свободу и Байрона (она и сама была очень рада, что ответила так замечательно, и сейчас вспомнить и повторить это было ей приятно. А Пушкину казалось, что сейчас она была милее всех) И потому, что я тогда увидела ту дорогу. Какая она каменистая... Но я знала, эта дорога - моя... (все смотрели на Машу, как же ее молодость была физически хороша и обаятельна, а еще и свежая мысль человека. Тогда еще, наверное, никому не пришло в голову, какое точное предвиденье посетило ее головку)

Все принялись за чай. Генерал сидел широко развернув руки, как бы обнимая всех. Он оглядывает всех домашних и так же внимательно Александра.

Раевский

Наш старший Александр остался в Одессе, по долгу службы, но теперь у нас - тоже Александр, совсем как наш сын.

( Пушкин знал цену Раевскому- генералу, герою двенадцатого года, и оттого отеческая ласка была еще ценнее. И луч солнца ложится на румяную, грубо заросшую бакенбардой щеку генерала. Софья Алексеевна разливает чай. Солнцем освещается белая скатерть и медный бок самовара).

КАРТИНА 2

На галерее сидит за столиком Пушкин. Пушкин задумался. Он пишет письма и рассуждает вслух:

Пушкин

Когда-то из всех Раевских я знал только Николая, и вот теперь – сколько их уже! – живу вместе с ними со всеми. Старшая – женщина необыкновенная. В ней светится приветливое достоинство. Она сродни пальме, спокойная и завешенная в своей красоте. Как здесь хорошо, как никогда

раньше еще в жизни моей не было, как не бывало и в родной семье своей. Но отчего же это так? И на свободу мою здесь не посягают, и меж ними я, как свой, хоть и не родной: в этом все своеобразие, какая-то новая свежесть, очарование, неповторимая прелесть.

(Он думал, как написать обо всем этом в письме брату)

Пушкин

Напишу: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, - горы, сады, море». Да и можно ли себя по-другому чувствовать в доме, где царит атмосфера женского очарования и мужского острого ума? Не семья, а друзья.

(И, обдумывая письмо, здесь у южного моря, он вспоминал Елену)

Пушкин

Елена, безнадежно больная и оттого особенно трогательная, и печаль пронзает мое сердце. Мне кажется, что такой хрупкой, ей долго не жить, и что без нее вся эта семья, с которой я и сам сроднился, душой осиротеет.

Я написал «Деревню» и оду «Вольность», что так замечено было в гостиных, настроил против себя самодержца, но остался при том совсем мальчишкой, и это в 21 год! А дом Раевских - полон женщин – по образованию, гражданским убеждениям уже взрослым, но девочки они по летам...

И он тихо произнес:

Пушкин

Смотрю на все ее движенья,  
Внимаю каждый звук речей –  
И миг единый разлученья  
Ужасен для души моей.

Пушкин

Я не читал никому и ей тем более этих стихов, слишком они не веселы  
Начинаю я сознавать, как изо дня в день крепнут во мне собственные новые замыслы. Их зарождает сама жизнь, и прежде всего это путешествие.

На галерею выходит Николай

Николай

Саша, что с тобой?

Пушкин

Думаю, о чем же писать? «Противу правительства» - запрещено...

Но кто запретит мне – писать о человеческом духе, восстающем против оков? Кто укротит этот внутренний бунт, который не во мне же одном: я - то хорошо это знаю. Свободу потерять, идя за религией, за женщиной, но есть свобода выбора... Герой рождается внутри меня, и он навеян этими горами, древними мифами и ветрами, вьющимися над взморьем... Жизнь надо посвятить высокому! А в голове кружится иное...

(читает стихи)

Пушкин

Я помню небо пред грозой,  
Как я завидовал волнам,  
Бегущим бурной чередою

С любовью лечь к ее ногам...

Николай  
Это о Маше

Пушкин  
Не знаю, что-то задело меня в ее словах, словах этой четырнадцатилетней девочки, с широким носиком и кудрями, похожими на веселую грозовую тучу, и что-то в них грозное прозвучало... В ней видна не только грация, но и душа отважная...

Раевский  
А как твой «Кавказ»?

Пушкин  
Пока только картины Кавказа рисуются, и думаю, что насколько мягче смотрятся здесь Крымские горы в отличие от Кавказских. (читает).

В час ранней, утренней прохлады,  
Вперял я любопытный взор  
На отдаленные громады  
Седых, румяных, синих гор.  
Великолепные картины!  
Престолы вечные снегов,  
Очам казались их вершины  
Недвижной цепью облаков.

Раевский  
Это Кавказ. В Крыму нет таких синих вершин, с вечными снегами.

Пушкин  
А знаешь, Николай, Крым ближе душе моей, вот послушай:

Кто видел край, где роскошью природы  
Оживлены дубравы и луга,  
Где весело шумят и блещут воды  
И мирные ласкают берега,  
Где на холмы под ласковые своды  
Не смеют лечь угрюмые снега?  
Скажите мне: кто видел край прелестный,  
Где я любил, изгнанник неизвестный?  
Златой предел!

Николай  
Ах, Саша, но это настоящее признание в твоей любви Крыму.

Пушкин  
Да, и здесь колыбель моего «Онегина». Горы наводят на мысли смелые, способные к полету. А как краски переливаются на камнях – от дальних сине-лиловых до ближних палевых и рыжих. Особенно много палевого и рыжего я видел на шкуре Медведя - Аю-Дага. Увидел тропинку среди железистых плит и трещин и стал подниматься по ней. Конь привычно и легко нес меня и зеленеющая влага волн блистала и шумела внизу так празднично... Но надо было возвращаться и развалин храма Девы я так и не увидел

### КАРТИНА 3

Вечер. Ярко светятся окна дома Раевских. Пушкин вышел на галерею к балюстраде и увидел у фонтана в саду фигуру, привлекающую его внимание. Он подозвал человека. Им оказался монах, огромный, заросший, с единственным глазом, как у Полифема.

Монах

Я, барин, монах из Георгиевского монастыря, что на мысе Фиолент, иду к Аю-Дагу, в деревню Партенит. А кличут меня Полифем

Пушкин

А зачем тебе такая большая дубинка?

Монах

Я уж заметил, как Вы на нее поглядывали. А известно ли Вам, что и у Полифема действительного узловатая дубинка его именно что была из маслины, а также и у самого Геркулеса, о чем Феокрит нам свидетельствует. Древние греки, позвольте Вам доложить, чтли весьма ее вечную зелень и ствол негниющий. Секиры героев Гомеровых насаживались на молодые маслины... (монах все время блистал своеобразной ученостью. Пушкин не мог не рассмеяться)

Пушкин

Ах, как ты речь ведешь, заслушаешься, право. Ты греков знаешь и от древнего православия уклад.

Монах

Вы - молодой человек, и Вам можно сказать: припомните сами, такая несокрушимость в маслине, что сам Одиссей свое брачное ложе, да и что же зазорного в том? – где он устроил то ложе? А опять же на пне старой маслины. А масло масличное, от которого и самое дерево носит название? Маслина, лавр и кипарис – в Элладе это были священные деревья.

Пушкин

В ваших словах о маслине есть и поэтическая жилка. Но, Вы все о маслине. А что скажете о кипарисе?

Монах

А кипарис – есть дерево смерти.

(Пушкин невольно сжал брови, точно что укололо его в самое сердце)

Монах

Не пью уже скоро двенадцать лет! А отвыкнуть от этого дьявольского зелья, ох, трудно. До сих пор еще бес порою манит...

Пушкин

Как же ты спасаешься, монах?

Монах

Выхожу тогда на широкую хвою. Выхожу и дышу смолою.

Пушкин

Как это?

Монах

Возьму молодую кору, бальзамическую, отковырну ногтем и обоняю.

Пушкин



Надо попробовать

Монах

Но как обоняю? Во-об-ра-жа-я! А ведь одни мечтания эти суть уже грех-с...И так, с перерывчиками – как чарку за чаркой, когда такое случится: то выпью под ветер, а то под росу, что этак блестит и маслянится наподобие лучшей икры.

Пушкин

А ты, и в правду, поэт, монах

Монах, продолжая

А в темную ночь, что особенно сладостно – божественно сладостно! – пью и под звезды... да, и божественно, но оттого-то, конечно, и сугубо греховно, ибо все это являет собою обман

Пушкин

А что нужно тебе за горой Аю-Даг? Знаешь ли про бывший там Храм Девы? Может проводишь меня к тем развалинам?

Монах

Не подобает мне грешному следовать в это древле-благочестивое место, то есть – поправился он с лукавой улыбкой – то есть в этот вертеп языческой мерзости.

Пушкин

Ну расскажи, расскажи, что ты знаешь?

Монах

Еще от деда своего слышал я, певал он балладу одну, да давно это было. А знаешь ли ты, барин, что тавры эти были жестокие и кровожадные. И никого из чужеземцев не подпускали на свои земли. И праздник для них был, когда гостям головы рубили. А свершалось все у храма богини Девы. Но, минуло уже много веков, как потух последний огонь на алтаре храма Девы...

Пушкин

А ты вспомни, вспомни, как я люблю эти древние сказания да баллады

Монах

Ну слушай, барин:

Три строчки белокаменных ступеней

Спускались с плеч лесистых Аю-Дага

К площадке каменистой на закате,

Где в жертвеннике уж огонь пылает

Близ мраморных ступней богини Девы.

Огонь зажжен не для подлунных таинств.

Царь тавров по ступеням к храму сходит,

Он с лестниц белокаменных с народом

На представление, что душу холодит,

Но сердце тешит у богини Артемиды.

Пушкин, кричит:

Николай, Николай, спускайся скорей сюда, тебе надо это послушать. (Выходит Николай)

Продолжай же, монах

Уж жрицы вынесли фиал с прозрачным маслом,  
Уж льют в огонь и масло, и вино.  
К огню склонилась жрица Артемиды,  
Но взор ее прикован к чужеземцам,  
Которых племя кровожадных тавров  
Приговорило жертвой стать богине,  
И время жертвоприношения пришло.  
Два, связанные, юноши у храма.  
Судьбу их жрица Ифигения решает.  
От главной жрицы смерть к ним и придет.

Но льют и льют в огонь священный масло,  
Цветами обвивают стопы Девы,  
А Ифигения беседует с гостями,  
То греки были из родных окраин  
Десятки лет тоскующей рабыни,  
Что красным жгучим ветром африканским  
Была в Тавриду перенесена,  
Спасенная, от жертвы Артемиде.  
Все эти годы служит ей во храме,  
В стране от милой Греции далекой.

И вот теперь, о чудо! Рядом греки.  
И Ифигения спешит узнать о брате,  
Отце и сестрах. И судьба жестоко  
Еще ее решила испытать.  
Пред нею брат Орест с Пиладом верным,  
И участь их должна быть решена.  
Но нет у Ифигении покорства,  
Ей сердце неизбежность разрывает.  
К обману дерзкому прибегнуть мысль метнулась,  
Чтобы от тавров брата увезти.

Продолжить церемонию решила,  
Дополнить омовеньем жертвы в море  
И статуи богини, оскверненной тем,  
Что ступили в лоно чужеземцы.  
Царь должен знать: - «Священное – все тайна!»  
И омовения не должен видеть смертный,

Ни царь, ни слуги, ни охрана храма.

На берег вынесли им статую богини  
И удалились все. Свобода реет!

Корабль, сокрытый рощей кипарисов,  
Был извлечен, когда упали путы,

И Ифигения, поддержанная братом, на корабле.

После тоскливых лет неведенья и слез  
Вдруг брата обрела и вместе с ним свободу  
И статую богини Артемиды,

За коей Аполлон послал Ореста к таврам,

Чтобы вернулась в Аттику она,

И не смущала кровожадных тавров.

Теперь остались только камни пьедестала

На скальном том обрыве Партенита,

Да портик храма той богини Девы,

Да сказы на земле жестоких тавров

О – Деве-жрице и богине-Деве.

Пушкин вынул из жилетного кармана бумажные деньги и протянул монаху

Монах

Благодарю вас за труд. Ежели так рассудить, всякий труд должен быть благодарен.

(смирненно склонил свою кудлатую голову и освободив от дубинки правую руку, коснулся ею до самой земли, отдавая большой поклон. Уходит)

Пушкин

Николай, а ты знаешь, что здесь разыгралась еще одна история, прошедшая испытание временем более десяти тысяч лет, а люди не забывают ПРЕДАННОСТЬ дружбе. Когда жрица выносила приговор, она решила предать смерти одного из чужеземцев, а другой, чтобы отнес письмо в Грецию о том, что она, Ифигения, жива. А когда она читала им письмо, на случай утери его, и открылось, что один из греков ее брат Орест, который был младенцем на руках у матери, когда жена Агамемнона Клитемнестра привезла их дочь Ифигению в Авлиду, где собирались корабли греков, чтобы отплыть в Троию. Артемида, преследующая Агамемнона за то, что он застрелил ее любимую лань, наслала ветры, и парусные корабли греков долго не могли отплыть. Тогда жрецы и потребовали от Агамемнона принести в жертву Артемиде свою любимую дочь, Ифигению, но Артемида сжалилась и сама спасла ее, и перенесла в Тавриду.

Николай

У греков все одна жертва за другой. Царь Агамемнон сам стал жертвой, его жена убила, когда он вернулся с Троянской войны.

Пушкин

Я теперь вспомнил эти греческие мифы и предания. Ведь Ареопаг, греческий суд, оправдал Ореста, когда он убил собственную мать Клитемнестру, мстя за убиенного отца. Представляешь, оправдание суда за самое тяжкое преступление!! А смотри, убийство с целью захватить власть и убийство в наказание за это – не одно и то же – так рассудили греки. Но вот нравственная тяжесть чуть не довела несчастного Ореста до полного безумия. У греков есть богини мщения Эринии, и

они не отпускали душу Ореста ни днем ни ночью. И оказалось, что одного оправдательного приговора мало, нужна еще искупительная работа, только она может восстановить в душе человека нарушенное нравственное равновесие.

Николай

А какова же может быть эта работа?

Пушкин

Вот Аполлон, который и подвинул Ореста на его ужасное дело, убийство, и назначил ему путешествие в Тавриду, к дикому народу таврам – по имени которого и названа ныне Таврида – вывезти от них древний кумир Артемиды, сестры Аполлона, оскверняемый повторяющимися человеческими жертвоприношениями. Артемида тяготится этим обрядом и ее статую Орест должен привезти в Грецию. Тогда верный ему друг Пилад и организовал корабль, и ухаживал за Орестом при его повторяющихся безумиях, а потом и смерть за него готов был принять.

Николай

Смотри, Саша, Аполлон спасает статую своей сестры Артемиды, Орест спасает сестру Ифигению. Мы заговорились, но ты посмотри на небо. Звезды блещут.

Пушкин

И ковш Большой Медведицы как-то сильно наклонился.

Николай

Я тебе сейчас прочитаю, недавно слышал, сестры читали:

Ночи темные Гурзуфа,  
Небо пенится от звезд,  
А Медведица – сестрица  
Опрокинула свой ковш.  
Льется, льется с неба влага,  
Влага морем разлилась,  
А Медведь из Аю-Дага  
Пьет и пьет ту влагу всласть.

Пушкин

Ведь гора Аю-Даг наклонена к морю, и на самом деле, как будто Медведь наклонился напиться. Да и свет звезд, и тень древней священной Эллады лежит на всем этом морском побережье, и то и дело врывается в звонкий ритм непрерываемой жизни текущего дня, и ничто не мешает друг другу, как и в самой природе. Видишь, грозный храм лежит в развалинах, а память о дружбе, о подвиге живет.

Николай

Ну, теперь пошли уже в дом. (положа руку на плечо друга, сказал). Привык я уже к тебе, Саша.

Пушкин

И верно, вот что такое дружба, она в нас самих, и потерять ее трудно, даже в разлуке.

Раевский

Да, ведь вы с отцом завтра уже уезжаете. Вы едете верхами, а нам с сестрами предстоит долгое странствие в Петербург, в обозе. А вы еще и в Бахчисарае побываете. Когда в прошлый раз сестры приехали из Крыма, очень их одна история взволновала. Все рассказывали о «фонтане слез» в Бахчисарае.  
(Раевский поднимается в мансарду)

#### КАРТИНА 4

Пушкин

(устраивается за маленьким столиком в углу на галерее и пишет письма. Он один и размышляет вслух)

Ах, милый Левушка, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство генерала Раевского. Как хорошо здесь! Вокруг разноцветные горы, тронули они мое сердце. И Адалары – эти сказочные каменные парусники, заснувшие посреди моря, не только мои взоры притягивают. Как Елена о них говорила? Вспоминает то, что читала ему Елена:

Туман жемчужною вуалью

Морскую кутает волну,

И Адалары выплывают

Крылатым бригом в синеву.

Покрыта белою косынкой

Брызг Генуэзская скала,

Все провожает, провожает,

Уже косынку сорвала

И машет странствующим в море

Крылатым белым маяком.

Туман на головном уборе

Вернется вместе с моряком.

Ах, Елена, как она одарена щедро. А еще Николай говорил, что в прошлый раз, когда сестры вернулись из Крыма, они привезли оттуда интересное старое предание - о любви хана Гирея к Марии Потоцкой. Польская княжна была его пленницей в роскошном бахчисарайском дворце, но и хан сам был в плену ее красоты, ее нерушимой твердости и душевной чистоты. Красавица христианка погибла от ревности любимой жены хана, которую он забыл ради новой пленницы, так не похожей ни на одну из его красавиц рабынь. Хан жестоко расправился с преступной женой, а над могилой Марии воздвиг мраморный памятник - фонтан, который сестры Раевские окрестили «фонтаном слез»

#### КАРТИНА 5

На галерею выходят Екатерина, Елена, Мария. Они предлагают вечернюю прощальную прогулку по берегу моря. Зовут Николая. Все спускаются по ступеням с галереи к фонтану.

Мария

А вот и наш «фонтан слез». (порывисто продолжает)

Да, да – фонтан слез: ведь вы от нас уезжаете!

Пушкин

Да. Я уезжаю. Как я хотел, Николай, чтобы ты еще раз рассказал о фонтане...

Николай

Что же рассказывать? Ведь ты уже одну пленницу изобразил у фонтанов...

Пушкин

Какую?

Раевский

А Людмилу в саду Черномора, и самый сад даже сравнил с садами «князя Тавриды».

Пушкин

Как ты все это помнишь!

Николай

Не хуже, чем ты... Но почему же, собственно, я должен рассказывать? Почему я, когда здесь журчат, можно сказать, первоисточники?

Пушкин

(опустился на камень низкой ограды)

Никуда не уйду, пока не узнаю всю эту историю. (Все молчали, кому же начать?)

Мария

Мне так всегда жалко эту княжну. Она жила дома у старика отца, и он ею гордился. Нас много, а она была одна и была очень красива. И это верно – была она очень тихая, но и веселая, и вот не знала своей судьбы...

Екатерина

А как настойчива ханская жена!

Отдай мне радость и покой,

Отдай мне прежнего Гирея...

Мария

(ее голос начал звенеть настоящей страстью)

Да, Да, клянись мне честью! Возврати мне Гирея! Ведь я и кинжалом умею владеть...

Екатерина

(усмехнулась, видя, какая в маленькой сестренке растет большая ревнивица)

Но, вообще, это не только любовная история, это столкновение магометанского мира с христианским: и на полях войны и на поприще чувств. Там вы увидите крест рядом с магометанской луной – на самом фонтане.

Мария

А как же иначе? Только так хан и мог соединить себя с ней.

Николай

Ты, Саша, просто должен об этой истории любви написать.

Пушкин

У этой давней истории столько поэтического очарования, что надо новую поэму писать.

(Пушкин, обращаясь к Раевскому)

Исполню я твое желанье,

Начну обещанный рассказ.

Давно печальное преданье

Ты мне поведал в первый раз.

Пушкин

Вот и новые герои! Невозвратимый вечер!

Пушкин, обращаясь к Елене

А вы, что примолкли? Что же вы скажете об этом предании?

Елена

Я ничего не скажу. Мало ли что, и помимо религии, становится между людьми глухой стеной!

(Елена подняла на него свои печальные и ясные глаза; или она намекала на свое нездоровье?)

Пушкин

Буду в Бахчисарае, вспомню о вас!

(И смутился, как будто он не думал о них сейчас, а только в Бахчисарае вспомнит).

Но все стали спускаться по аллее, и компания вытянулась в линию по направлению к морю.

## ДЕЙСТВИЕ 2

Сентябрь 1820 года. Пушкин возвращается с генералом Николаем Николаевичем Раевским из Гурзуфа и дальше путь Пушкина лежит в Кишинев.

БАХЧИСАРАЙ. Большой Ханский Дворец. О приезде Раевского уже знали, и комнаты ему были отведены в самом дворце. Местные власти прибыли тотчас – приветствовать и разместить и устроить. Пушкин же, этикетом не связанный, забыв об усталости, о недомогании, тотчас побежал – увидеть фонтан.

## КАРТИНА 1

Фонтанный дворик. Пушкин в котелке, в камзоле стоит вблизи фонтана, облокотившись на одну из колонн, четырехгранную колонну, коринфские капители которых уходят далеко вверх под своды дворца. Его невысокая фигура в тени колонны почти не заметна. Слева видна стена ханского гарема, без окон, с арабскими резными карнизами и золотыми кружевными орнаментами, нанесенными на стене. Справа древний ПОРТАЛ, ведущий из Фонтанного дворика в Посольский дворик. Портал изготовлен в 1503 году зодчим Алевизом Новым, который работал в Крыму по пути в Москву. С двух сторон дверь обрамляют пилястры с коринфскими капителями. Над дверью находится арка, украшенная растительными завитками и цветами. Портал украшен надписью на арабском языке, которая высечена на камне и позолочена в круге внутри тимпана: «Владелец этого дворца и правитель этой области государь величайший, благороднейший Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да помилует бог его и его родителей в обоих мирах»

Прямо перед Пушкиным «фонтан слез», этот фонтан был создан в 1764 году иранским зодчим Омером, который был в плену у хана Крым Герая. Фонтан изготовлен в стиле сенсibilidadь – это тип пристенных фонтанов и один из райских источников, из которых пьют воду души праведников, павших за веру. (слово - «сенсibilidadь» взято из Корана). Пушкин вспоминает рассказы сестер Раевских о фонтане и своем обещании подумать о них, когда сам окажется вблизи фонтана.

За основу обстановки и костюмов взять рисунок А. Чернецова, 1837 года «Пушкин в Бахчисарайском дворце»

Пушкин, прислушиваясь к тихому журчанию воды в фонтане:

Фонтан любви, фонтан живой

Принес я в дар тебе две розы.

Люблю немолчный говор твой

И поэтические слезы.

(подходит к фонтану и кладет на верхней плоскости фонтана красную и белую розы)

Пушкин

Как рассказывали сестры Раевские подобные фонтаны украшали дворцы халифов в Багдаде, Дамаске, Алеппо, Газни, а также фонтаны в знаменитой Альгамбре в Испании. И писали на камне: «Приди, напейся воды чистойшей из источника исцеляющего!». Но этот фонтан особый, он не для утоления жажды, Раевские называли его «фонтан слез». (читает стихи)

Твоя серебряная пыль

Меня кропит росой холодной:

Ах, лейся, лейся ключ отрадный!

Журчи, журчи свою мне былль...

Пушкин говорит тихо, как бы про себя:

Ах, опять мне вспоминаются их милые речи. Мне здесь уже и другую легенду рассказывали: Диляра была любимой женой хана Крым Герая, и ее отравила соперница. Фонтан, созданный в честь жены, должен был символизировать скорбь хана. А вот и тени прошлого ожили (по Залу Фонтанов проходит девушка в богатой арабской одежде с развевающимся палантином из шелка изумрудного цвета)

(подсветка снизу создает ее большую тень, проецирующуюся на стену гарема)

Пушкин

Дыханье роз, фонтанов шум  
Влекли к невольному забвенью,  
Невольно предавался ум  
Необъяснимому волненью,  
И по дворцу летучей тенью  
Мелькала дева предо мной!..  
Чью тень, о други, видел я?  
Скажите мне: чей образ нежный  
Тогда преследовал меня  
Неотразимый, неизбежный?

КАРТИНА 2

В дальнем конце сцены поднимается ковровый занавес, ярко осветился Зал Дивана (Диван – место для собеседований). Для хана по центру южной стены установлен трон, обтянутый цветным сукном и украшенный золотым шитьем. Для беев, входивших в Диван, вдоль стен стоят скамьи. В окнах на стене – витражи. Вблизи трона справа установлена большая мраморная плита. На троне задумчиво сидит хан Крым Герай, он в халате из золоченой парчи, голову его накрывает драгоценная тюбетейка, «драгой янтарь в устах его дымится». У мраморной плиты стоит зодчий Омер.

Хан

Диляра, она была прекрасна. Диляра, она была молода. Как недолго прожила она здесь во дворце. И как торопился я из своих дальних походов, пресекая ужасные набеги, сюда торопился. Чтобы только красоту ее узреть.

Зодчий Омер

Ты хочешь, хан, чтобы камень рассказал о любви твоей к красавице?

Хан

О, нет! Она была прекрасна, как солнце, изящна, как лань, кротка, как голубь, добра, как мать, нежна, как утро, ласкова, как дитя...  
Но мне не удалось защитить этот хрупкий цветок, и он зачах.

Зодчий

Так ты хочешь, хан, чтобы камень рассказал о красоте женщины?

Хан

О, нет! Сделай так, чтобы камень через века пронес мое горе, чтобы камень заплакал, как плачет мужское сердце.

Зодчий

Ты хочешь, хан, слезу свою на камень перенести?



Хан

Вот теперь ты понял мою скорбь, ничто меня не отвлечет от дум печальных о той, что я потерял навеки.

Зодчий

Хорошо, хан, камень заплачет. Он расскажет и о моем горе. Ведь это ты, хан, отнял у меня все, чем душа была жива: землю родную, семью, имя, честь. Это будут жгучие слезы мужские.

(Зодчий Омер берет инструмент в руки и начинает резать мрамор). Хан сидит в глубокой задумчивости. Яркий свет гаснет и скрывает их от взора зрителей).

### КАРТИНА 3

(Снова у колонны виден Пушкин, обративший взор на «фонтан слез»)

Пушкин

Бродил я там, где бич народов,  
Татарин буйный пировал,  
И после ужасов набега  
В роскошной неге утопал.

(Пушкин, подойдя вплотную к фонтану, проводит рукой по граням резьбы)

Пушкин

И зодчий Омер вырезал лепесток за лепестком, один за другим, и получился прекрасный цветок. А в середине цветка он высек глаз человеческий, из него падает на грудь камня тяжелая мужская слеза, чтобы жечь день и ночь, не переставая годы, века. И еще вырезал зодчий Омер улитку – символ сомнения. Знал он, что сомнение гложет душу хана: зачем нужна была ему вся его жизнь – веселье и грусть, любовь и ненависть, все человеческие чувства? Если душу свою он загубил, потеряв ту, что была ему дороже жизни...

(Пушкин отходит снова к колонне)

Пушкин

И стоит до сих пор фонтан этот во дворце и плачет, плачет день и ночь. И этот день становится не просто сегодняшним днем, а днем, из которых слагается вечность.

(Из Зала Дивана выходит генерал Раевский с ним идет татарский бей Мухаммед)

Раевский

Александр!

(Не очень громко позвал Николай Николаевич, но слабое эхо ему отвечало)

(Пушкин тотчас обернулся и живо, как будто только и ждал этого зова)

В мыслях его пронеслось и он зашептал:

Это они уже не молчат, как при расставании, они вспоминают меня – думал он о сестрах Раевских.

Раевский

Что с Вами, Александр?

Пушкин

Со мной? Ничего... это меня опять лихорадка трясет.

Раевский

Полно, на Вас лица нет. А Вы не видали еще развалин гарема? Мы завтра рано уедем. Пойдемте, я хочу побывать еще и на ханском кладбище. Бей Мухаммед говорит, что там похоронены все Гераи, вся ханская династия.

(Раевский властно берет его за руку)

Раевский

Нам поможет все увидеть уважаемый бей Мохаммед

Мохаммед

О, а вы знаете, фонтан был установлен при Дюрбе – это мавзолей Диляры- бикеч, возведенный ханом Керим-Гиреем над ее могилой, «дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной», а уже позже в 1783 году фонтан перенесли в Фонтанный Дворик.

(Слова затихают. Уходят)